

БОРИС ЭЙХЕНБАУМ

О поэзии

ПАЛЪМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 2

УДК 82.09
ББК 83
Э34

Эйхенбаум Б.

Э34 О поэзии / Борис Эйхенбаум. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2022. — 496 с. — (Серия «Пальмира — университет»).

ISBN 978-5-517-07371-6

В данный сборник вошли работы Б. М. Эйхенбаума, посвященные русской поэзии, в том числе его исследования мелодики русского лирического стиха, проблем поэтики А. С. Пушкина и В. В. Маяковского, а также статья «О камерной декламации».

**УДК 82.09
ББК 83**

ISBN 978-5-517-07371-6

© Эйхенбаум Б. М., наследники, 2022
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2022

Содержание

I

Проблемы поэтики Пушкина	9
Некрасов	20
Анна Ахматова. Опыт анализа	59
От военной оды к «гусарской песне»	129
О замысле «Графа Нулина»	149
Художественная проблематика Лермонтова	160
Пять редакций «Маскарада»	191
Я. П. Полонский	208
«Испанцы» Лермонтова как политическая трагедия	247

II

Трубный глас	261
Поэт-журналист	265
О Маяковском	269
<А. Блок и М. Лермонтов>	275
Живой образ Лермонтова	278
Е. А. Баратынский	284
<О Пушкине> Вступительное слово	286

III

Мелодика русского лирического стиха	291
Предисловие	291
I. Методологические вопросы	293
II. Жуковский	311
III. Пушкин, Тютчев, Лермонтов	353
IV. Фет	397
Примечание	468
О камерной декламации	471

I

Проблемы поэтики Пушкина

Не случайно, хотя и внезапно, возникли у нас Пушкинские дни. Жизнь движется борением противоположностей. Отказ от прошлого, бунт против устойчивых традиций сам из себя порождает влечение — оглянуться назад и посмотреть, что из оставленного позади, брошенного и позабытого как ненужное, оказалось близким, необходимым, несмотря на пройденный путь. Всех тревожит вопрос — после всего пережитого в жизни и в искусстве, жив ли Пушкин? И если да, то каким стал он для нас? Отошли ли мы так далеко, что уже плохо различаем его, или расстояние, нас от него отделяющее, есть то самое, которое нужно, чтобы окинуть взглядом целое, не теряя деталей? То самое, которое нужно художнику для построения формы?

До сих пор Пушкин был слишком близок нам — и мы плохо видели его. Мы говорили о нем школьным мертвым языком, тысячи раз повторяя торопливые и смутные слова Белинского. Но вот — все школьное и мертвое, что можно сказать на русском языке о Пушкине, сказано и выучено наизусть. Сказано и бесконечное количество раз повторено вялое в современных устах наших и легкое для всех, потому что ни к чему не обязывающее, слово «гений». И что же? Не монументом, а гипсовой статуэткой стал Пушкин.

Об этой жалкой гипсовой статуэтке, об этой безделушке, украшавшей будuarы, кричали футуристы, призывая сбросить ее с «парохода современности». Да, того Пушкина, которым притупляют нас в школах (и будут притуплять!), того Пушкина, именем которого действуют

художественные реакционеры и невежды, того убогого Пушкина, которым забавляются духовно-праздные согладатеи культуры, — этого общедоступного, всем пригодившегося и никем не читаемого Пушкина надо сбросить.

Мы еще так молоды, что не знаем, как нам быть с собственной нашей культурой, с собственной нашей словесностью. Толстой сам подсказал нам, чтобы мы признали его мудрецом и учителем жизни. С Пушкиным и это не удастся.

Напрасно почитатели Пушкина, стараясь «подышать выше», считают его появление в русской поэзии неожиданным. Пушкин — не начало, а конец длинного пути, пройденного русской поэзией XVIII века. Ему он и обязан своим появлением. «Только о сумасбродном и совершенно беспорядочном художнике позволительно говорить, что все у него — свое; о настоящем — невозможно» (Гёте). Пушкин — завершитель, а не начинатель. Впитав в себя все поэтические традиции XVIII века — этого поистине рабочего, трудового для русского искусства века, — Пушкин создал высокий, классический в своей уравновешенности и кажущейся легкости канон. У него не было и не могло быть последователей, потому что каноном искусство жить не может.

Искусство создает канон, чтобы преодолевать его. Русская поэзия после Пушкина искала новых путей для его преодоления — она больше боролась с ним, чем училась у него. Юноша Лермонтов идет по его следам как бы только для того, чтобы набраться сил для борьбы с ним же. Он поднимает брошенного Пушкиным на пути своем Байрона, чтобы бороться тем же оружием. В английской и немецкой поэзии он ищет новых источников для русского стиха, чтобы освободиться от пушкинского четырехстопного ямба. Но русскому стиху суждено было отойти на вторую линию, чтобы подготовить новый, независимый от Пушкина, расцвет. От Тютчева и Фета к символистам идет этот «запасной» путь русской поэзии. На главном пути могли удержаться только стихи Некрасова — и только тем, что он не боролся с Пушкиным, а действовал так, как будто Пушкина и не было. Символисты заговорили о Пушкине только тогда, когда стали победителями и мэтрами — как равные. Из недр символизма возник новый классицизм — в поэзии Кузмина, Ахматовой и Мандельштама находим мы новое ощущение классического Пушкина, утвержденное красивым в своей